

Л. А. ДМИТРИЕВ

Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодде и девице

В настоящее время известно пять текстов Сказания о молодде и девице. Один из них (хранится в БАН, 33.15.138, начало XIX в.) — отрывок начала произведения. Самый ранний список Сказания находится в составном сборнике XVII—XVIII вв. (БАН, 33.4.32). Тетрадь сборника с текстом Сказания (лл. 258—265 об.) по почерку и водяным знакам бумаги («шут») датируется последней четвертью XVII в. Текст этот (С) был издан В. И. Срезневским.¹ Следующий по времени список (Л) — в сборнике начала XVIII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, № О. СХХХII); он был опубликован Хр. Лопаревым.² Четвертый текст (Г) — в сборнике XIX в. (ГПБ, Q.XV.107). Список пятого текста (Е) неизвестен, но имеется его публикация в издании П. Е. Ефименко «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии».³

Сказание — эротический диалог юноши и девицы — относится к тому виду произведений, которые при переписке подвергались особо значительной переработке, что объясняется как диалогической формой Сказания, так и близостью его к устному народному творчеству. Поэтому каждый из списков — это не только самостоятельная редакция, но подчас почти совершенно новый текст. Однако бесспорно их восхождение — через промежуточные, не сохранившиеся тексты — к общему источнику.

Текст Е — переработка произведения в духе переводных повестей и романов XVIII в., что нашло отражение в обилии варваризмов, в упоминании Франции, «Гишпаний», Италии, в сравнениях девицы с Еленой Троянской, Венерой и Семирамидой.⁴ Позднего происхождения и текст Г,

¹ В. И. Срезневский. Сказание о молодде и о девице по сп. XVII в. Библиотеки Академии наук. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4, СПб., 1906, стр. 79—90.

² Сказание о молодде и девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. Сообщение Хрисанфа Лопарева. Изд. ОЛДП, 1894 (далее: Хр. Лопарев).

³ Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. V, вып. 2, М., 1878, стр. 225—226.

⁴ Эти особенности Е дали основание А. Маркову утверждать, что оригиналом Сказания было какое-то иноязычное сочинение и что в Е перед нами ранняя редакция Сказания. См.: А. Марков. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов (Сказание о молодде и девице). — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, М., стр. 167—169. Однако уже А. А. Назаревский, считавший, что в основе Сказания лежит заимствованный сюжет, возражал А. Маркову, объясняя все «иноземные» особенности Е стилизацией русского книжника XVIII в.; см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсиях Семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 года. Киев, 1912, стр. 5—8.

о чем свидетельствует не только время этого списка, но и его язык и весь стиль. Источником этого списка был поздний, уже дефектный текст — переписчик в конце сообщает «Сия кретрять (т е. тетрадь, — Л. Д.) Слово о добром молотцы ко окончанию не приведена, понеже не ис чево было дописать». Таким образом, решающее значение при определении первоначального вида Сказания имеют списки Л и С. Эти списки (в С отсутствует самое начало) близки друг другу в своей первой части и значительно различаются во второй половине и окончании.

В С после слов девицы, разрешающей молодцу остаться (когда он, отчаявшись в своих любовных домоганиях, заявляет, что ему придется уйти в чужие края), после того как счастливый молодец сравнивает свою возлюбленную с «великими женами», говорится, что девица обратилась за советом к «нянюшкам и мамушкам» — принимать ей молодца или нет. В. И. Срезневский считал, что этот список более полно и точно передает первоначальный вид памятника, чем Л. А. А. Назаревский также полагал, что С наиболее близок к первоначальному тексту.

В. И. Срезневский писал, что С «исправляет логическую непоследовательность» Л, где «девица отдается молодцу, ничем не объясняя своего поступка».⁵ Но если мы внимательно присмотримся к развитию сюжета в С, то увидим, что как раз здесь налицо логическая непоследовательность, которая могла возникнуть как результат того, что весь эпизод с «нянюшками и мамушками» — поздняя вставка. Девица обращается за советом — гнать ей молодца или оставить его — уже после того, как она сказала ему «и ты живи у нас», после слов молодца «ты меня утешила своими умильными словесы последними», и после фразы автора: «И ты красная девица умолкла, не могла против дворянина отвечать». Именно поэтому Н. К. Пиксанов, издавая текст Сказания по списку С (с добавлением начала из Л), внес — правда, никак не мотивируя этого, — изменение в текст. Обращение девицы за советом и ответ ей «мамушек и нянюшек» он поместил после слов молодца о том, что он уедет, и перед словами девицы, говорящей молодцу, чтобы тот оставался.⁶

Язык списка Л более книжный, чем С. В Л девица всюду называется «прекрасной», в С — «красной»; в Л «неизреченная красота», в С «девичья красота», в Л «глаголеши», в С «говориши»; в Л во всех случаях «сице рече», в С «и рече». Большую книжность Л по сравнению с С нельзя считать индивидуальной, вторичной чертой этого списка — это отражение чтений источника. Дело в том, что в списке Г, в целом по языку ближе стоящем к С, встречаются парные чтения с Л, отличающиеся от С. В Г, как и в Л, эпитет девицы «прекрасная»; в обоих этих списках — «красота неизреченная». Книжная лексика Сказания — черта, присущая первоначальному тексту произведения; усиление же фольклорности — явление дальнейшей литературной жизни произведения. Этому способствовала изначальная яркая фольклорная окраска памятника.

Все сказанное дает право утверждать, что в Л, а не в С текст наиболее близок к первоначальному, авторскому. Однако и в Л мы уже имеем текст с изменениями и искажениями. Так, например, в Л девица, сжалившись над молодцем, говорит: «Веть мне холопа купить, а без другога не быть .. и ты живи у нас». Хр. Лопарев, которому был известен только список Л, высказал догадку: не следует ли читать вместо «другова» — «друга». И действительно, в С мы читаем: «холопа мне не купить, а без

В. И. Срезневский. Сказание о молодце и девице, стр. 82.
Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть М.-Пг., 1923, стр. 81—84.

холопа мне не жить, а без друга не быть... и ты живи у нас». Подобного рода примеры довольно многочисленны.

Таким образом, при реконструкции первоначального текста Сказания о молодце и девице, беря за основу список Л, мы должны вносить исправления в этот текст по списку С, учитывая, разумеется, данные и остальных списков.

Хр. Лопарев высказал ряд соображений о времени возникновения Сказания. С одной стороны, он отмечал, что «все данные народной литературы говорят в пользу принадлежности ее (повести, — Л. Д.) к XVII и даже XVIII веку».⁷ Вместе с тем отдельные архаизмы языка и упоминание в произведении имен Даниила, которого Хр. Лопарев считал Даниилом Борисовичем Нижегородским, жившим в начале XV в., и Семена Карамышева — по его мнению, боярина и воеводы князя Даниила Нижегородского, — свидетельствуют, как полагал исследователь, о ранних источниках Сказания. Не высказывая окончательного мнения, Хр. Лопарев выставляет два предположения: «или 1) это памятник, быть может, XVII века, но автор его пользовался старым лексическим материалом, или 2) это памятник вообще древний, но подвергшийся обработке и переделке в XVIII веке, причем он уже во многом утратил чистоту языка оригинала».⁸

Немногочисленные лексические архаизмы, отмеченные Хр. Лопаревым, прежде всего не обязательно должны расцениваться как таковые. Отнесенные им к архаизмам слова «примольвь» (приголубь, приласкай), «горазный мастер» (искусный, опытный мастер), «щеколчеши» (щелкаешь (о соловье), при этом в рукописи вообще искаженное чтение — «щеволчеши») нет никаких оснований расценивать как архаизмы: все они встречаются и в поздних текстах, причем скорее в разговорной речи, а не в письменной, о чем можно судить по словарю Даля.⁹ Употребление же в препозитивном положении возвратной частицы «ся» в предложении пословичного характера («глупых не орют, не сеют, сами ся родят от глупых отцов, от безумных матерей»), как и оборот «деяше беседы» и слово «гудец» (музыкант, гудошник), могут свидетельствовать лишь о книжном характере произведения, а отнюдь не о том, что эти слова — отголоски раннего источника.¹⁰ Таким образом, лексические показатели не дают материала для отнесения возникновения Сказания к более раннему периоду, чем об этом свидетельствует весь характер произведения, т. е. к периоду ранее XVII в.

В тексте Л мы читаем такую фразу: «Высота твоя (девицы, — Л. Д.) уподобится аки первых жен настойть Даниловы жены, смирение твое великое аки Евдокеи Семеновы жены Карамышева, любовь твоя великая аки Раксаны, царицы царя Александра Макидоньскаго». Хр. Лопарев, пред-

⁷ Хр. Лопарев, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 7.

⁹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. III, стр. 426; т. I, стр. 377 и т. II, стр. 303; т. IV, стр. 653.

¹⁰ В сборнике пословиц XVII в мы встречаем употребление «ся» в препозиции в одной из пословиц: «Беден часто ся озирает, хотя и не ево кличют» (см.: П. Симонов. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. I. СПб., 1899, стр. 81). Хр. Лопарев считает препозитивным и возвратным «ся» и во фразе «отколя ся на меня напасть нашла?». Однако здесь это «ся» либо указательное местоимение — «эта напасть», либо усилительная частица, часто встречающаяся в речи девицы, типа — «А, се познаю, дворянин...» (пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. П. Адрианову-Перетц, указавшую мне, во время моей работы над Сказанием, что «ся» в этой фразе не является возвратной частицей). Слово «гудец» — «музыкант» приведено в «Лексиконе» Поликарпова (1704 г.) и зафиксировано у Даля

полагая, не является ли слово «настойть» испорченным вместо «Настасья», пишет об этом отрывке Сказания: «Из истории известно, что Семен Карамышев был боярином и воеводою нижегородского князя Даниила Борисовича, — по всей вероятности, автор Сказания разумеет этих именно лиц, говорит о их именно женах».¹¹ А Даниил Нижегородский, как уже отмечено выше, жил в начале XV столетия. Следовательно, если Сказание имеет в виду этих лиц, есть все основания относить время возникновения его к XV в. Однако текст С, исправляя и дополняя чтение Л, дает основание утверждать, что в данном случае перед нами сравнение, восходящее к эпическим и литературным образам, и исторические детали XV в. пикаеского отношения к этому пассажи Сказания не имеют.

В С мы читаем: «И ты, государыни, первым женам угодился — Настасии Даниловы жены Вовчева, а смирение твое аки Овдотьи Семеновы жены Коромышева, а мудрость твоя аки Василисты Ставровы жены Годунова, а любовь твоя и решанье аки Александра царя Макидонскаго». Перед нами хотя и испорченный в отдельных чтениях текст, но абсолютно понятный, Молодец сравнивает свою возлюбленную с такими героинями, которые явились олицетворением женской доблести и супружеской верности, и все эти героини литературно-эпического происхождения.

Настасья, Данилова жена, — это героиня былины о Даниле Ловчанине (в Л прозвище опущено, в С дано искаженно — Вовчев). У богатыря Даниила красавица жена. Приближенные князя Владимира подстрекают князя погубить Данилу и взять Данилову жену себе в жены. Данилу коварно убивают. Жена Даниила (в разных вариантах былины она называется по-разному, в том числе и Настасьей), обманув Владимира, закалывается пад телом своего мужа.

Семен Константинович Карамышев — эпический персонаж казачьих песен. В известных нам текстах, посвященных Семену Карамышеву, его жена не фигурирует. По-видимому, в Сказании отголосок какой-то песни о Карамышеве и его жене, до нас не дошедшей.

Фраза «мудрость твоя аки Василисты Ставровы жены Годунова» имеет в виду былину о Ставре Годиновиче. В этой былине жена богатыря Ставра Годиновича Василиса Микулична, славящаяся своей красотой, умом и смелостью, обманывает князя Владимира и спасает от беды своего мужа.

Наконец, последняя из названных в этом ряду жен, Роксана, — героиня Сербской Александрии, жена Александра Македонского, которая, согласно этой версии Александрии, кончает жизнь самоубийством над телом умершего мужа.

Былина о Даниле Ловчанине позднего времени. В. Я. Пропп относит ее возникновение к периоду образования централизованного Русского государства. Он считает, что она создала после былины о Сухмане, а последняя весьма поздняя.¹² Семен Константинович Карамышев фигурирует в исторических песнях, посвященных событиям XVI—XVII вв. Как предполагает Б. Н. Путилов, прототипом этого имени в исторических песнях был воевода Волока Ламского — Иван Константинович Карамышев, державший воеводство в городе в начале XVII в., во время осады Волока Ламского Сигизмундом. Из исторической песни о защите Волока Ламского начала XVII в. это имя попало в другие песни, посвященные событиям XVI—XVII вв.¹³ Сербская Александрия проникла на Русь в XV в., но

¹¹ Хр. Лошарев, стр. 7

¹² В. Я. Пропп. Русский героический эпос Л, 1955, стр. 384—393

¹³ Народные исторические песни. М—Л, 1962 (Библиотека поэта Большая серия. Второе издание), стр. 328—329

XVII век для этого произведения «оказался особенно счастливым временем. Роман об Александре Македонском становится в этот период одним из наиболее популярных произведений светской письменности».¹⁴

Таким образом, рассмотренный отрывок Сказания свидетельствует о том, что это произведение прежде всего книжного характера, а не запись устного текста, как полагали некоторые исследователи: только в литературном памятнике могло быть употреблено такое сложное сравнение с героями разнообразных эпических и письменных памятников. Во-вторых, круг привлеченных для сравнений текстов указывает, что Сказание о молодце и девице возникло не ранее XVII столетия.

Самый ранний список Сказания (С) датируется последней четвертью XVII в. Текст здесь уже подвергся значительной переработке, дает немало испорченных чтений, т. е. к этому времени Сказание прожило уже определенную литературную жизнь. Можно думать поэтому, что Сказание о молодце и девице было создано в середине—второй половине XVII в.

¹⁴ Я. С. Лурье. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: Александрия. М.—Л., 1965 (серия «Литературные памятники»), стр. 151